

ТРИ ПОРТРЕТА

Пантера ханского дворца

*К. Байсеитова - Акжунус
(Е. Брусиловский
«Ер Таргын»)*

Раскрылся занавес – и мы вдохнули свежий воздух новизны. Образы «Ер-Таргына», единство музыкального, балетного и художественного оформления со всем содержанием и трактовкой оперы производят впечатление значительной вещи.

В этом смысле необыкновенно и оригинально для казахской сцены выглядит образ, созданный Куляш. За все время ее игры возникает отчетливая параллель с молодой, хищной и коварной пантерой.

Мягко ступает она, но в ее пушистых лапах скрыты злобные когти. Она преследует добычу, любуясь гибкостью своего тела, упиваясь своей ловкостью, своей хищной силой.

Уже в экспозиции дан ее облик – гневной, раздражительной, не терпящей препятствий на своем пути. Суровый знак хищника определяет ее поведение. И огромного драматического напряжения достигает ее линия во втором акте. Она искусно преследует необычное для ее географической зоны – большое существо, свою новую добычу.

Устраняя препятствия на пути к этой добыче, она изгибается перед Таргыном, подкрадывается к нему, незаметно стелаясь по земле, чтобы дойти до расстояния последнего смертельного прыжка. Ослепляя блеском своей шерсти, красивыми изгибами тела, она хватает его, и в третьей картине вы видите пантеру, давно овладевшую добычей. Теперь на уступе скалы, на солнцепеке, уже замышляя о новой охоте, о новом прыжке.

Эта пантера – замечательное воплощение всех черт и свойств логова, откуда она вышла. В ней ярко и метко сказались предательство, коварство и способы утонченной, изощренной интриги восточного двора, двора и деспотического, и лицемерного всегда.

Людьми руководит одна корысть, одно желание – каким угодно способом добиться власти, полакомиться свежей кровью страны, народа. Поэтому исторически оправдан и замечателен художественный образ Ак-Жунус, созданный Куляш.

Помимо драматически действенного исполнения вокальных номеров, помимо актерской игры в отдельных местах оперы, особенно на всем протяжении второй и первой половины третьего акта, глубока музыкальная и балетная иллюстрация сюжетных положений. Обратите внимание на

калмыцкий танец, богатый изломами и изгибами, подчеркнута острыми углами своих линий, на музыкальный сюжет (построенный на мотиве народной песни «Кунимай»), обогащенный подлинно творческой работой композитора. Они дают огромное драматическое нарастание, с падениями и взлетами, как пики, – гармонируя с общей идеей развития образов.

Эти сцены самым убедительным образом подчеркивают ярко талантливый замысел и объединяют до предельного внешнего и внутреннего единства ведущую творческую работу режиссера Жандарбекова на талантливо исполненном благодарном литературном материале писателя Камалова. Тут вы и постигаете их победу.

Сила народа

За призрачным светом, за слабой надеждой своей среди суровых и диких скал, символизирующих пустынные века истории, бродит Таргын. В нем возможности, в нем сила народа – поэтому увековечен народом его образ.

Но за всем огромным, что он носит в потенции, Таргын все же объект интриг и хитросплетений вокруг него. Его судьба – судьба доброго, большого, значительного существа, ставшего предметом охоты и добычи пантеры предательского ханского двора.

Байсеитов – Таргын ведет характерную, интересную для всего восточного эпоса линию утраченной надежды. И конкретно раскрывается эта черта в нем через разлуку с возлюбленной Таной. Тут эпос вступает в свои берега.

Мы слышим знакомый мотив тоски и отчаяния, потерянного счастья. Таргын тоскует о пленительной Нестан-Дареджан в «Витязе в тигровой шкуре» Руставели, Алмамбет тоскует о Бурульча в киргизской эпопее «Манас». Наконец, мы узнаем черты близкого сходства с казахским эпосом – трагедией Алпамыса или еще ближе – «Козы-Корпеш-Баян».

Он рассудочно лиричен, он обаятелен интеллектуально, в нем есть настоящая глубина. Достоинство образа Таргына в его многообразии, чуждом однолинейности.

Особенно убедительно раскрывается он в ариях, построенных на народных песнях «Нозконыр» (что можно условно перевести как «выражение укора») и «Кара-Кесек».

Правда любви

Предельно лиричен и трагедийно печален нежный образ Таны, созданный молодой артисткой Хафизой Нурмагамбетовой.

Мелодийная линия построения образа композитором дана с исчерпывающей выразительностью. Калмычка-невольница представляется мне носителем правды любви. Ее побеждающая сила в законченной искренности чувств. Чем нежнее, чем естественнее ее порывы – тем большую силу противопоставляет она, слабая пленница, окружающему коварству и хищной власти.

Внутренние достоинства образа Таны помогают талантливой юной актрисе составить противовес и дать законное равновесие с искрометной многоцветной игрой Куляш. Тана – ей полная противоположность. И надо дать себе полный отчет в том, что только гибкий и уверенный талант Нурмагамбетовой мог завоевать симпатии зрителя.

Чем хищнее Ак-Жунус, тем лиричнее Тана. Если ханская дочь вызывает представление о пантере, то образ невольницы-калмычки мягче и доходчивее благодаря правдивым качествам ее души во всех суровых превратностях тяжелой судьбы.

Постановка «Ер-Таргына» дает возможность говорить о ней широко и развернуто. Она – огромное достижение нашего искусства, поднимающее каждого творческого работника, настойчиво зовущая соревноваться.

Наряду с большой работой режиссера и композитора, исключительно приятное впечатление производит работа художника Ненашева.

Опера сильна многоцветностью и в то же время монолитностью своего стиля, уверенным, крепким единством.

Куләш Байсейітова / сост. Аклима Омарова. – Алматы: «Өнер», 2012. – С. 127-129. (на каз, рус.)